Экран и сцена. – 1999. – февр (№5). – с.16.

Легкомыслие Сергея Мартинсона

К 100-летию артиста

Знаменитый ведущий "Кинопанорамы" Алексей Яковлевич Каплер вспоминал как-то об интервью, которое взял у Сергея Мартинсона по случаю семидесятилетия актера. Каплер тогда поинтересовался: "Как это тебе, Сергей Александрович, удалось так сохраниться?" Ответ был мгновенный и, как говорится, "пулевой": "Я всегда был человеком *легкомысленным* и никогда не делал того, чего мне делать не хотелось!"

Такой аспект беседы телевизионное начальство сочло *несолидным*, и в передачу не допустило ("Чик! – и готово), о чем Каплер говорил с горечью. А между тем именно здесь была явлена личностная суть Сергея Мартинсона.

"Легкомысленный человек".

Так можно сказать про многих его героев.

"У меня легкость в мыслях необыкновенная", – это заявляет Иван Александрович Хлестаков. Гоголевского лже-ревизора Мартинсон сыграл во второй половине 20-х годов в великом спектакле Всеволода Эмильевича Мейерхольда. Стенограмма репетиции донесла до нас замечание, сделанное актеру Мастером: "Получается у вас, что Хлестаков – ребеночек; а он – прощелыга!"

Сегодня уже очень трудно судить о том, *как* вел Мартинсон на сцене ГОСТИМа свою знаменитую гоголевскую роль. В ней, видимо, было – и от прощелыги, и от ребеночка. Но бесспорно одно: целая вереница его киноработ вытекает из уроков, полученных на мейерхольдовских репетициях "Ревизора". Эти роли, – "дети Хлестакова", вполне доступны для нас и сегодня, в дни столетнего юбилея артиста. И надо сказать, когда смотришь эти старые фильмы, виртуозность Мартинсона поражает и восхищает.

Вот отплясывает кадриль в "Свадьбе" телеграфист Ять, – какое изумительное владение телом! (Мартинсону уже сорок пять лет). Какая легкость и тонкость речи! Какая острота характерности!

Говорят, кадриль, исполненная Верой Марецкой и Сергеем Мартинсоном в "Свадьбе" Исидора Анненского, принесла им первый приз в танцевальном конкурсе. И ничуть неудивительно.

А в перерывах между танцами в укромном закутке влюбленный телеграфист, томно закатывая глаза, напевает своей богине-акушерке страстный романс, который помнишь наизусть и даже с интонациями:

"Скажи, зачем тебя я встретил?
Зачем тебя я полюби-ил?
Зачем твой взор улыбкой мне а-ответил
И счастье в жизни па-а-а-а...дрил?!"

Что говорить, галерея фатоватых наглецов, карикатурных негодяев и проходимцев, сыгранных Сергеем Александровичем Мартинсоном, велика и обильна. Тут и парикмахер Соль из "Марионеток", и Бони в старой киноверсии "Сильвы", и великий авангардист Керосинов – создатель шедевра "По улицам ходила большая крокодила" в музыкальной комедии "Антон Иванович сердится", и неуловимый бюрократ Миусов в киноводевиле "Безумный день". Даже чиновник Лебедев в "Идиоте" Ивана Пырьева – надрывный истерический шут с глазами, горящими белым алчным огнем, зловещий прихлебатель Рогожина странным образом несет в себе черты сильно постаревшего Хлестакова. И епископ Роже в фильме Игоря Масленникова "Ярославна, королева Франции", сыгранный восьмидесятилетним Мартинсоном, представлен как жуир, хитрец и человек риска. В этой роли, кстати, Мартинсон еще ездит верхом!

Прожив огромную разнообразную жизнь, – восемьдесят пять лет! – Сергей Александрович до глубокой старости сохранил свою "легкость в мыслях" как ведущую черту натуры, доминанту характера.

В конце 70-х годов я однажды имел удовольствие наблюдать такую сцену: совсем старенький Мартинсон пришел обедать в ресторан Дома Актера. Он жил напротив – на углу Тверского бульвара в доме, где помещается магазин "Армения". Официанты встретили Сергея Александровича как родного. Его, бережно взяв под ручки, усадили на традиционное "мартинсоновское" место и первым делом принесли ему большой бокал, наполненный совершенно белой, прозрачной, словно слеза, жидкостью. Мне кажется, это отнюдь не был "Нарзан". Осушив сей "кубок", Мартинсон оживился, в глазах его появились огоньки, и он стал беседовать с соседом по столику своим неповторимым высоким носовым голосом. И во всем сразу же сказался *жизнелюбец*, человек, живущий с аппетитом даже и в 80 лет.

А с поздней дочкой Мартинсона – Наташей я учился в одно время в Щукинском училище. "Мартини" (так ее называли все) была на один курс старше.

Была она тогда очень смешная, шалая, несомненно, способная. Употребляла (вопреки всем запретам) чрезвычайно яркую косметику, настолько яркую, что, когда один из студентов-режиссеров в отрывке из "Грозы" заставил "Мартини" все с себя смыть для роли Сумасшедшей барыни, Наташку не узнал даже художественный руководитель ее курса. Он спросил: "А с какого курса приглашена в отрывок эта девочка?"

Сумасшедшую барыню Наташа Мартинсон сыграла хорошо, а на дипломе была великолепна в водевиле Э.Лабиша "Эдгар женится". Мамаша главного героя выглядела дамой кокетливой и несколько кокотливой, живущей с легким прищуром и всегда держащей по ветру свой острый (конечно же, папин) нос. Вообще, Наташа явно унаследовала отцовскую артистическую природу, – эксцентризм, отвагу, легкомыслие.

На показы и спектакли в Училище Сергей Александрович, кажется, не приходил. Ему было тогда – крепко за семьдесят. "Мартини" очень смешно рассказывала, что к папе можно прийти попросить пятерку несколько раз в день – с небольшими перерывами, и он даст каждый раз, как в первый. Забывает.

Актерская судьба Наташи как-то не сложилась. Немножко снималась, немножко выступала на эстраде. Где она сейчас? – не знаю.

Конечно, артистические биографии – это загадка. Но все-таки не без закономерностей. Людей шалых, "трепещущих крылышками на ветру" (независимо от их одаренности) Театр балует крайне редко, почти никогда не балует. Театр любит волю, трудолюбие и целеустремленность.

У Мартинсона-старшего все эти качества, разумеется, были; да и легкомыслие его можно толковать как *легкость мысли*, а не легкость в мыслях, – разница существенная!

Сергей Александрович был прежде всего *высоким профессионалом*, – иначе не было бы у него такой насыщенной биографии, таких ярких побед, такой всенародной известности.

С послевоенных лет и до конца своих дней Мартинсон был "артистом советского кино", а как известно, в кино (без поддержки театральной работы) актерам живется нелегко. Судьба даже самых одаренных и знаменитых часто оказывается весьма драматичной. Театр все-таки остается домом, – даже в те нелегкие времена, когда нет новых ролей. А в кино никто никому ничего не должен. Поэтому годы громкого успеха подчас сменяются ужасными простоями, выдержать которые дано немногим.

С Мартинсоном такого, кажется, не случилось. Он был востребован всегда – до старости. Снимался в разных ролях – больших и небольших – и всегда запоминался! Правда, для кинематографа победившего соцреализма Сергей Мартинсон был, пожалуй, избыточно яркой фигурой, его *высокая формальная школа* как-то выламывалась из привычной усредненно-правдивой эстетики. Но некая своя ниша для Мартинсона нашлась – сказки!

В фильмах Александра Птушко и Александра Роу Сергей Александрович снимался много. Вот далеко не полный перечень его сказочных картин разных лет: "Сказка о Царе Салтане", "Руслан и Людмила", "Садко", "Сказка о потерянном времени", "Вечера на хуторе близ Диканьки" (невозможно забыть, как Дьяк Осип Никифорович ухаживает за Солохой: "А что это у ва-а-а-ас, несравненная СОлОха?" – несколько по-козлиному дребезжит мартинсоновский тенорок), "Золотой ключик" (Ну, Дуремар, торговец лягушками и пиявками – это вообще классика!). Сюда же можно отнести и "Алые паруса", и, разумеется, бесконечное количество персонажей мультфильмов, которые разговаривали голосом Мартинсона. И всегда это ярко, смешно, сочно, вкусно. Одним словом, – восторг!

Да, восторг актерство Сергея Мартинсона вызывало всегда. А вот *сочувствия* его персонажи почему-то не вызывали. Почти никогда – даже в тех случаях, когда это было возможно. Иногда такое восприятие объясняется идеологией и нравами эпохи. Ну, не принято было в 1944 году сочувствовать чеховским обывателям. Хотя, почему же не может быть трогателен и жалок тот же телеграфист Ять, попытавшийся затеять на свадьбе бывшей своей пассии умный разговор и получивший за это: "Позвольте вам выйти вон!"? Но оставим "Свадьбу" – фильм по-своему блистательный.

"Дядюшкин сон" Константина Воинова вышел на экраны в 1967 году. Во времена "оттепели" Князь К. вполне мог прозвучать как персонаж *трагифарса*, ведущий мелодию пронзительную, щемящую.

Мог прозвучать, но не прозвучал.

Мартинсон сыграл смешного маразматика, смутно различающего, где сон, а где явь; но и только! Его герой-рамоли не потрясал даже своей внезапной и горькой смертью в финале. Может быть, и здесь сказалась идеология? – симпатии авторов фильма были отданы несчастной Зиночке. Трудно сказать. Фильм прошел как-то незаметно, особого успеха не имел.

Любопытно, что с престарелым Князем К. Сергей Александрович Мартинсон мог встретиться вновь в начале 70-х. Мария Ивановна Бабанова пригласила Мартинсона быть ее партнером в спектакле театра имени Маяковского, который ставила Мария Осиповна Кнебель.

Дуэт обещал стать событием громким – два выдающихся мейерхольдовца вновь играют вместе! Не стал.

"Дядюшкин сон" был поставлен; Бабанова сыграла Москалеву великолепно (как и все, как и всегда), а Мартинсон в спектакле не участвовал.

Вот что пишет об этом М.О.Кнебель: "Работа у нас складывалась нелегко. Сергей Александрович Мартинсон на словах легко отказывался от ряда найденных приемов, уже использованных им в этой роли в кино, на деле же это давалось непросто. В смысле отношения к труду он и Бабанова были полярными людьми. У него постоянно возникало много разных обязательств, отрывающих его от работы, в которую Мария Ивановна вкладывала все душевные и физические силы. Наконец я решила, что надо пойти к нему домой.

Было что-то пленительное в том *легкомыслии* (курсив мой. – **П.Л.**), которое сохранил в себе Мартинсон. Он принял нас чрезвычайно радушно. Когда он предложил кофе, Мария Ивановна спокойно, но стальным голосом сказала:

– Сережа, мы пришли не в гости. Я тебя привела в театр, я очень хотела, чтобы мы еще раз встретились на сцене, но ты не захотел понять той ответственности, которую взял на себя. Подумай! Мы подождем еще два дня. После этого визита мне очень скоро стало ясно: на Мартинсона надежды нет".

Бессмысленно гадать, какой след оставила эта история в душе нашего легкомысленного героя. Может быть, не оставила никакого. Мартинсону было уже за 70. В таком возрасте люди меняются редко. Но Сергей Александрович оказался оригиналом и в этом вопросе.

Самые последние его роли, сыгранные в начале 80-х, вдруг открыли в знакомой каждому и всеми любимой мартисоновской индивидуальности некие совсем новые грани. Конечно, возраст – вещь бесконечно содержательная. Как сказано Пастернаком, –

"Но старость – это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез..."

И в исполнении Мартинсона старик Френкленд из "Собаки Баскервилей" Игоря Масленникова вдруг поразил яростью оскорбленного отцовского чувства. И бесконечно трогателен и беззащитен оказался последний герой восьмидесятипятилетнего Мартинсона – ветхий интеллигент "из бывших", доживающий свой век в доме престарелых – в картине Николая Губенко "И жизнь, и слезы, и любовь". В этом несколько сказочном фильме (теоретически, конечно, можно допустить, что благородная главврач способна превратить дом несчастных старцев в земной рай, но в жизни все, к сожалению, бывает иначе) есть эпизод, в котором герои Жанны Болотовой и Мартинсона беседуют "по душам". Старичок что-то вспоминает, что-то вспомнить не может.

– На балу я тихо подошел к ней и пригласил на тур вальса. Как она была прекрасна! Боже мой! Как же ее звали? Как же ее звали?

– Мария? Елена? Анастасия? – подсказывает главврач, – Анна?

– Анна! – и счастье разом заливает лицо Мартинсона, – Анна. Ее звали Анна.

– Анна... Анна... – лепечет старик. Комментарии, как говорится, излишни.

Свое последнее интервью о работе в фильме Губенко Сергей Александрович дал "Кинопанораме". Он говорил о том, что его всегда считали эксцентриком, а он мечтал о ролях психологических и серьезных.

Мысль понятная, но, пожалуй, не бесспорная. Высокий актерский эксцентризм иной раз и шире, и – главное! – глубже просто психологизмов и серьеза. Быть живым, абсолютно живым! в остром рискованном жестком рисунке гораздо труднее, чем в рисунке только естественном, органичном, как в жизни.

Бесспорно, Сергей Мартинсон, один из первых сюжетов Театра Мейерхольда, умел все это в те бесконечно далекие годы. Безукоризненное и *жизнью наполненное* владение формой – в исполнении парадоксальных заданий Мастера означало вооруженность артиста поистине блестящим, несегодняшним мастерством.

Не смею подробно писать о мейерхольдовском периоде творчества Мартинсона, ибо не владею, как должно, материалом.

Ясно одно: лишившись Учителя, все его актеры потеряли нечто невосполнимо главное, основопалагающее, стержневое.

В конце 30-х годов не просто были уничтожены театр Всеволода Мейерхольда и сам Мейерхольд. Было стерто в пыль искусство русского театрального авангарда. Те, кто уцелел среди развалин, надолго лишились почвы под ногами. Для артистов *высокой формальной школы* медвежьи объятия сталинского соцреализма обернулись катастрофой. Кто-то сумел перестроиться, отказавшись от самого себя, – Штраух, Свердлин, Царев. Кто-то так и не вписался – Бабанова, Гарин, Тяпкина. Кажется, только Ильинский сумел естественно стать большим роялистом, чем сам король (его собственное выражение). А что же Мартинсон – легкомысленный человек? Он вроде бы адаптировался в новых условиях, но его удачливость означала не знание ответов, а отсутствие вопросов. В сущности-то его судьба тоже была исполнена драматизма. "Никогда не делал того, чего делать не хотелось".

Большой талант и высокий профессионал, он не стал потрясателем зрительского воображения в жанре трагического гротеска, но остался в истории русского актерства XX века колоритнейшим типажом и виртуозом легкомыслия.

Павел ЛЮБИМЦЕВ

Мартинсон

Сергей

02.99